

МОРСКОЙ СПЕЦНАЗ

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

БУНКЕР

Морской спецназ

Сергей Зверев

Бункер

«ЭКСМО»

2013

Зверев С. И.

Бункер / С. И. Зверев — «Эксмо», 2013 — (Морской спецназ)

В 1944 году в секретном бункере на территории Кенигсберга нацисты спрятали драгоценностей на полтора миллиарда рейхсмарок. Прошли годы. Все, кто участвовал в организации тайника, ушли в мир иной. Все, за исключением Кристиана Рауффа. Спустя полвека после окончания войны у него возникла навязчивая идея завладеть сокровищами. Рауфф нанял надежных людей, и те отправились в Россию на поиски клада. Первым делом немцы начали раскопки на территории старого замка на берегу моря. О планах гостей из Германии становится известно российским спецслужбам. Принимается решение проследить за кладоискателями и узнать, где именно спрятаны драгоценности. Операцию поручают отряду боевых пловцов под командованием Евгения Черенкова...

Содержание

Часть первая	5
Пролог	5
Глава первая	9
Глава вторая	14
Глава третья	20
Глава четвертая	24
Глава пятая	28
Глава шестая	32
Глава седьмая	37
Глава восьмая	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Сергей Зверев

Бункер

Часть первая

На дне Татарского пролива

Пролог

Восточная Пруссия; Кёнигсберг

Август 1944 года

Едва над бастионами и башнями рavelинов Кёнигсберга взошло солнце, в небе над Танненвальде появился транспортный самолет в сопровождении звена истребителей. Сделав круг над северо-западной окраиной города, самолеты один за другим снизились, приближаясь к взлетно-посадочной полосе военного аэродрома...

Первым приземлился транспортник. Подвывая двигателями, он солидно подрулил к бетонному перрону и остановился в полусотне метров от трех блестящих новеньким лаком автомобилей.

Встречали самолет три человека в военной форме.

Чуть впереди остальных, старательно подобрав округлый живот, спешил гауляйтер и оберпрезидент Восточной Пруссии Эрих Кох.

По правую руку от него вышагивал сотрудник IVуправления РСХА и глава местной контрразведки штурмбаннфюрер СС Вальтер Кубицки.

Слева от гауляйтера держался сотрудник VI управления РСХА, уполномоченный SD III по району «Восток» штурмбаннфюрер СС Карл фон Залиш.

Разумеется, помимо трех высокопоставленных нацистов неподалеку дежурили несколько десятков вышколенных эсэсовцев, а сам аэродром по периметру был оцеплен солдатами лучшего пехотного батальона.

Не доходя пяти шагов до трапа, троица остановилась и вытянулась во фронт, ожидая появления одного из вождей рейха...

Первыми из самолета вышли телохранители вождя и бессменный личный адъютант Гротман. За ними неспешно спустился незнакомец в новенькой форме с петлицами бригадефюрера СС. Он был высок, подтянут, темноволос; прямой нос имел небольшую горбинку, кожа лица, шеи и рук была бледна. Под прямоугольным подбородком поблескивал Рыцарский крест Железного креста с Дубовыми листьями. Спустившись на бетон, он сделал шаг в сторону и остановился.

И в этот момент в темном проеме появился главный пассажир транспортного самолета—рейхсфюрер СС и рейхсминистр внутренних дел Германии Генрих Гиммлер.

* * *

Новенький роскошный «Хорьх» с вымпелом рейхсфюрера ехал в голове внушительной вереницы из черных автомобилей; впереди него следовал лишь один автомобиль с опытной и натасканной личной охраной.

Позади осталось рыцарское имение Шарлоттенбург, впереди на фоне светлеющего неба показались башни западного форта. Колонна подъезжала к пригороду Кёнигсберга...

Официальной целью визита рейхсфюрера была инспекция многочисленного гарнизона и укреплений столицы Восточной Пруссии. На недавнем совещании в ставке Гитлер объявил Кёнигсберг городом-крепостью и потребовал удержать его любой ценой. Большинство солдат и офицеров не верили в то, что удержание Кёнигсберга и Замланда поможет выстоять другим провинциям Германии. Многие из местного гарнизона побывали в окружении и боялись вновь оказаться в его жестоких клещах. Именно поэтому наиболее важные объекты и участки обороны доверили надежным соединениям и подразделениям СС.

Вереница автомобилей въехала в город. Чуть отодвинув пальцем занавеску, Гиммлер взирал на проплывавшие за окном сонные кварталы...

Пустота тротуаров и дорог пугала.

«Маршрут оцеплен службой безопасности? или слишком ранний час?» – гадал рейхсфюрер. Ивдруг взгляд подслеповатых глаз наткнулся на цветной плакат, наклеенный на круглую уличную тумбу. На плакате был изображен красноармеец в буденновке. Зверски оскалив нездоровые зубы, он занес огромный кинжал над молодой немкой, прижимающей к груди ребенка. Протерев очки платком, Гиммлер взгляделся в серые однообразные здания... Двери и витрины магазинов были заколочены досками; на перекрестках высились противотанковые бетонные колпаки и баррикады из наполненных песком мешков; на трамвайных путях стояли пустые вагоны. А ближе к центру – на берегу Преголи, кирпичную стену замка прусских королей «украшала» выведенная готическим шрифтом надпись: «Слабая русская крепость Севастополь держалась 250 дней против непобедимой германской армии. Кёнигсберг – лучшая крепость Европы – не будет взят никогда».

Нервно задернув занавеску, рейхсфюрер устался в бритый затылок личного адъютанта Гротмана. Обозревать город больше не хотелось. Да и головная машина с охраной начала притормаживать – колонна въехала на Кайзер-Вильгельм-платц, а небо впереди закрыла высокая остроконечная башня Королевского замка.

* * *

В замке Гиммлер провел всего полчаса, встретившись с первыми лицами восточной провинции и произнеся короткую зажигательную речь о готовности рейха поддержать в трудные дни жителей Пруссии и Кёнигсберга.

Покинув замок, он отправился с инспекцией по воинским частям и укрепленным районам. При этом мало кто из местных чиновников заметил отсутствие сухощавого бригадефюрера, прибывшего из Берлина. А тот тем временем в сопровождении двух сотрудников Главного управления имперской безопасности неспешно прохаживался по южному крылу замка...

Со стороны могло показаться, будто генерал-майор СС Кристиан Рауфф расслабленно прогуливается по музейным залам, любуясь многочисленными произведениями искусства. На самом деле цель его визита в замок как раз и состояла в инспекции многочисленных коллекций.

По стенам просторных залов были развешаны картины известных мастеров, под ними красовалась старинная мебель. В углах под лучами желтых ламп стояли скульптуры или этажерки с фарфором, фаянсом, хрусталем. Середину залов устроители странной выставки

отдали драгоценностям из золота и серебра. Ювелирные шедевры ушедших эпох поблескивали под стеклами многочисленных витрин и привлекли особое внимание бригадефюрера.

Остановившись возле одной из них и достав из кармана увеличительное стекло, он долго рассматривал обширную коллекцию золотых украшений с россыпями драгоценных камней.

– Сколько это может стоить? – распрямылся он, покончив с осмотром.

Штурмбаннфюрер фон Залиш приблизился на шаг и негромко пояснил, указывая на кольцо в центре экспозиции:

– Стоимость только этого украшения составляет более полумиллиона рейхсмарок...

Карл фон Залиш знал, что говорит. Являясь уполномоченным SD III по району «Восток», он объездил все подчиненные города и провинции: Данциг, Алленштайн, Тильзит, Торн, Бреслау, Катовиц, генерал-губернаторство... И везде его проворные люди сдавали по описям реквизируемые ценности. Все до единой описи лежали в данный момент в черной кожаной папке, которую фон Залиш крепко держал в левой руке.

– Если же оценивать все собранные в южном крыле замка сокровища, – продолжал он, – то выйдет чуть более полутора миллиардов.

Рауфф протирал носовым платком увеличительное стекло. Услышав общую сумму, он на секунду замер. Затем медленно повернул голову и, прищурившись, смерил штурмбаннфюрера пронзительным взглядом.

– Я не ослышался? Чуть более полутора миллиардов рейхсмарок?

– Да, бригадефюрер, – вытянулся тот.

– Рейхсмарок?

– Рейхсмарок. Это исключительно в денежном выражении. Не учитывая культурной и исторической ценности собранного материала.

Тонкие губы генерала СС слегка изогнулись в довольной улыбке.

– Что ж, похвально, Карл, похвально. Где описи?

– Здесь, – протянул тот папку.

Кивнув, бригадефюрер забрал ее.

– Я ознакомлю рейхсфюрера с описью в самолете на обратном пути. А сейчас хотелось бы осмотреть подготовленный бункер.

Вопросами сохранности награбленных ценностей занимался штурмбаннфюрер СС Вальтер Кубицки – сотрудник IV управления РСХА и глава службы контрразведки «Восток».

– Прошу вас, бригадефюрер, – отступив на шаг, распростер он руку. – Вход в подземный бункер недалеко...

* * *

Шесть эскадрилий истребителей поочередно барражировали в небе Балтики на тот случай, если к Кёнигсбергу попытаются прорваться британские бомбардировщики. Генриху Гиммлеру повезло – в этот день погода была солнечной лишь под утро. К полудню со стороны залива подул ветер и небо заволочило тяжелой низкой облачностью. Витог самолеты противника над Восточной Пруссией так и не появились.

Инспекция рейхсфюрера завершилась ровно в двадцать ноль-ноль. Вылет транспортного самолета был назначен за пять минут до захода солнца, а сам полет до Берлина предполагалось выполнить под покровом ночи. Так было безопаснее. И так решил сам Гиммлер.

Вереница автомобилей в той же последовательности покинула город, с той же степенностью проследовала мимо рыцарского имения Шарлоттенбург и вскоре въехала на охраняемую территорию аэродрома в Танненвальде. Инспекция прилично утомила Гиммлера, поэтому занавесок он не трогал и городом сквозь окно не любовался. Да и не было ему дела до города и его жителей. Задание фюрера он выполнил – инспекция частей и укрепрайонов была произ-

ведена скрупулезно и педантично. Вторая часть задания, о которой знал только он и бригадефюрер Рауфф, также была исполнена в полном объеме. Орезультатах проверки ценностей и специального бункера для их надежного укрытия Рауфф намеревался доложить в самолете на пути следования до Берлина. Гиммлер с нетерпением ждал этого доклада...

Машины с охраной притормозили у череды технических домиков. Авто с Гиммлером, Рауффом и местными бонзами подкатили к самолету.

Рейхсфюрер покинул салон, поправил очки в круглой оправе и, дождавшись бригадефюрера, степенно направился к трапу. Сзади слышались торопливые шаги Эриха Коха, Вальтера Кубицки и Карла фон Залиша.

У трапа столичные гости остановились и попрощались с провожающими офицерами.

– Рейхсфюрер, один вопрос, – тихо произнес Кох, пожимая Гиммлеру руку.

– Слушаю, – задержался тот у первой ступеньки трапа.

– Большевики подошли к границам Пруссии, англичане бомбят город едва ли не каждый день. Могу ли я рассчитывать на усиление местного гарнизона?

– Знаете, Эрих, когда в мае двадцатого года я прибыл на склад 21-й стрелковой бригады и получил винтовку, патроны и мешок для сухарей, положение Германии тоже было незавидным. Однако очень скоро все изменилось. Так что не волнуйтесь – мы с фюрером не забываем о вас. Если азиатско-еврейские полчища сумеют приблизиться к Кёнигсбергу, то мы перебросим сюда значительные войска.

– Насколько значительные?

– В вашем распоряжении будет не менее полутысячи самолетов, около семисот танков и более восьми тысяч орудий и минометов. Кроме того, мы рассматриваем вопрос о переброске сюда нескольких пехотных дивизий и морских подразделений. Надеюсь, эти силы помогут вам выстоять.

– Мы постараемся удержать город, – повеселел гауляйтер.

– Постарайтесь. Ине теряйте времени даром, Эрих. Формируйте из гражданского населения боевые группы фольксштурма, полицейские части, отряды гитлерюгенда и рабочие батальоны. Оружие и боеприпасы для них придут в ближайшие дни...

Снисходительно похлопав на прощание сорокавосьмилетнего Коха по плечу, Гиммлер исчез в темном проеме салона. За ним по ступенькам трапа бодро взбежал бригадефюрер Рауфф.

Глава первая

Российская Федерация; Татарский пролив

Около недели назад

По старой традиции мы оккупируем просторную вертолетную площадку. Авиаторов на корабле нет, вертолетный ангар пуст, и нас никто не стесняет.

Для начала мы распаковываем багаж, извлекаем самую теплую рабочую одежду, так называемые сухари– гидрокombineзоны-мембраны «сухого» типа, полностью изолирующие тело и обеспечивающие длительное пребывание в холодной воде. Многие подводники их недолюбливают из-за сложной, утомительной процедуры одевания и за относительную «жесткость», затрудняющую движения при выполнении работ. Но, как говорится, здоровье дороже, ибо переохлаждение под водой бесследно не проходит. Это факт. Несколько лет назад наши комбизоны обогревались с помощью носимой на боку аккумуляторной батареи, которая питала небольшие эластичные элементы, спрятанные под ближайшим к телу слоем ткани. Вспотеть данная система не позволяла, да и функционировала от силы минут тридцать. Теперь в снаряжении каждого пловца имеется небольшой баллон с системой аргонного поддува. При необходимости пловец нажимает на рычажок клапана и подтравливает газ под комбизон. Теплопроводность аргона чрезвычайно мала, поэтому тепло человеческого тела расходуется на глубине не столь быстро.

Перетаскав на площадку снаряжение, начинаем подготовку.

Работа идет слаженно и быстро, ибо делом мы всегда занимаемся сосредоточенно, ни на что не отвлекаясь. Разговоры и шуточки будут позже– когда выполним задачу и соберемся на палубе. Мокрые, уставшие, довольные. Аглавное– живые.

Спущенный боцманской командой катер уже покачивается на волнах рядом с бортом сторожевика– его небольшая команда ждет боевых пловцов.

Итак, шестерка, как всегда, разбита на три смены. График обычный: одна смена отдыхает после погружения, вторая работает, третья в готовности № 1. Сейчас на глубину собирается первая смена, которую возглавляю я, вторым номером идет мой давний напарник– капитан третьего ранга Михаил Жук. Вторую пару возглавляет мой заместитель– капитан второго ранга Георгий Устюжанин; он работает в паре с молодым капитан-лейтенантом Игорем Фурцевым. Игорь молод относительно нас– ветеранов, на самом же деле он хорошо подготовленный боевой пловец, прошедший с нами не одну операцию. Третья пара состоит из капитана третьего ранга Анатолия Степанова и капитан-лейтенанта Сергея Савченко– этим ребятам тоже опыта не занимать, да и в паре они действуют не первый год.

Проверяю гидрокombineзоны, подвесную систему. Зная мирный характер экспедиции, решено взять один подводный автомат с минимальным количеством боеприпасов. Ведь каждый грамм лишнего веса отнимает на глубине нужные пловцу силы.

Особое внимание уделяю ребризерам: осматриваю целостность дыхательных мешков, шлангов, легочного автомата, байпасных клапанов и автомата промывки дыхательной системы; контролирую давление в заправленных баллонах и наличие свежих регенеративных патронов. Ужасно не люблю красивых фраз, но от исправности и надежной работы всего вышперечисленного в буквальном смысле зависит жизнь боевого пловца.

Все в норме. Георгий подает мне последний элемент— этакий «символ власти» командира группы боевых пловцов— навигационно-поисковую панель.

И пожимает руку:

– С богом!

Мы спускаемся с напарником в катер, а Георгий занимает место на баночке возле развернутой станции гидроакустической связи...

* * *

Молодые подчиненные называют меня Евгением Арнольдовичем. Друзья зовут просто Евгением или Женей. Шеф обращается так же, а будучи не в духе, вспоминает о фамилии Черенков. Яношу погоны капитана второго ранга и командую особым отрядом боевых пловцов «Фрегат-22». Скоро мне исполнится тридцать семь. Ячистокровный славянин, ростом под два метра и весом чуть более центнера. Мои коллеги по отряду— люди особого склада и закалки, прошедшие сложную и довольно длительную подготовку. Таких, как мы, — не более сотни на всю Российскую Федерацию, что невероятно мало по сравнению с элитой сухопутных спецподразделений, да и методика нашей подготовки являет собой тайну за семью печатями. Когда-то советским боевым пловцам приходилось учиться у итальянцев, немцев и англичан, а сейчас эти господа не прочь позаимствовать кое-что из наших технологий создания идеального подводного убийцы.

Моя карьера стартовала так давно, что я с трудом припоминаю, с чего и как начинал. Мама была профессиональным музыкантом и получала гроши, но мы никогда не бедствовали. Она давала мне двадцать копеек в день, а я умудрялся на эти деньги прилично питаться в школьном буфете.

В первые двадцать лет жизни мне отчаянно везло: я рос здоровым и бесплатно получал образование в средней школе; верил в могущество Родины, в справедливость и никого не боялся— ни бандитов, ни педофилов, ни врачей, ни милиционеров. Пока я был несмышленным, мама трижды в неделю приводила меня в общедоступный бассейн, что располагался в трех кварталах от дома, и передавала тренеру— седовласому добряку Вениамину Васильевичу. Сним тоже сказочно повезло: во-первых, он был заслуженным мастером спорта и чемпионом Европы по подводному плаванию, а во-вторых, когда я поумнел и окреп, он взял меня с собой на Черное море, где к обычному снаряжению добавилась диковинная штука— акваланг. Стой незабываемой поездки морские глубины стали для меня мечтой и делом всей жизни.

Так незамысловато и буднично легкое увлечение, навязанное мамой «для общего развития неокрепшего организма», превратилось в серьезную спортивную карьеру: я набирал мышечную массу и опыт, показывал неплохие результаты, побеждал на чемпионатах, выигрывал кубки. Иковал свое будущее.

* * *

Катер покачивается на волнах неподалеку от оранжевого буйа, выставленного вчера после окончания работ. Буй с относительной точностью обозначает место, где мы закончили осмотр.

Вывалившись за борт катера, я проверяю работу дыхательного аппарата и кручу головой в поисках напарника.

– Скат, я – Ротонда, – доносится в гарнитуре голос моего старого друга— Георгия Ивановича Устюжанина. – Как меня слышно?

Отвечаю:

– Ротонда, я – Скат, слышу нормально.

– Как условия?

– Видимость в норме, температура в верхнем слое тринадцать градусов, слабое северное течение.

– Понял.

– Приступили к погружению. До связи.

– Удачи...

Позывной «Скат» присваивается старшему рабочей смены. Если под водой одновременно находятся две смены– «Скатом» остается работающая на глубине пара, а та, что выше, зовется «Барракудой». «Ротонда» всегда остается «Ротондой», ибо это– позывной руководителя спуска, который находится на берегу или командует погружением с палубы корабля.

Водичка в Татарском проливе холодновата. Впрочем, в здешних краях ее не принято сравнивать с парным молоком. Она попросту никогда таковой не бывает– не те широты, не тот климат.

Наш сторожевик болтается где-то посередине пролива, ширина которого местами превышает сотню морских миль. На западе видна темная полоска берега Хабаровского края, на востоке рваные облака нанизаны на остроконечные сопки острова Сахалин.

Второй день мы занимаемся проверкой целостности подводного кабеля связи, соединяющего... впрочем, не стоит упоминать, какие командные пункты соединяет этот секретный кабель. Оговорюсь лишь одной фразой: от связи, которую он обеспечивает, частично зависит стратегическая оборона дальневосточных рубежей нашей страны.

Итак, стартовал второй день операции. Вприбрежной мелководной зоне проверкой кабеля занимаются водолазы из местных сахалинских воинских частей. Для проведения глубоководных работ вызвали нас. Вчера– в первый день операции– моя шестерка поочередно совершила три ходки ко дну пролива, осматривая и проверяя приблизительно по километру кабеля. Увы, но вчерашняя эпопея результатов не принесла.

Ну а сейчас моя пара совершает первое на сегодня погружение на глубину около двухсот метров. Именно эту глубину показали в данном месте пролива современные приборы в ходовой рубке. Именно это значение подтвердили пять окрашенных в белый цвет колец отоженной стальной проволоки на контрфорсе звена якорной цепи...

* * *

К моменту окончания средней школы я набрал приличную коллекцию из кубков и медалей различного достоинства: дважды побеждал на чемпионатах России среди юниоров по подводному плаванию, дважды становился серебряным призером и несколько раз выходил в финалы престижных международных соревнований.

Где-то в череде спортивных мероприятий меня и заметили сотрудники засекреченных спецслужб. За три месяца до выпускного вечера я получил вежливое приглашение в Управление КГБ в виде аккуратной повесточки с известным адресом. Взадушевной беседе мне предложили зачисление без вступительных экзаменов в питерское высшее военно-морское училище.

Помню, в конце беседы я задал единственный вопрос:

– А к подводному плаванию моя будущая служба имеет отношение?

– Только к ней и имеет, – заверил серьезный дяденька в штатском костюме.

Дав согласие, я вскоре примерил курсантскую форму и в течение двух лет постигал азы военной службы с практикой на кораблях и подводных лодках.

КГБ тем временем судорожно лихорадило от реформ и бесконечных переименований. Как только не называли нашу «контору»– КГБ РСФСР, АФБ, МБ, ФСК... К моменту моего перевода из военно-морского училища в закрытую школу боевых пловцов первые лица государства наконец-то определились и правопреемницей ФСК стала Федеральная служба безопасности.

Занятия в школе были гораздо интересней бытия в училище, где много времени уделялось муштре, нарядам, хозяйственным работам... Два года напряженной, но крайне интересной учебы пролетели незаметно. Сдав последние экзамены, я получил диплом, лейтенантские погоны и направление в недавно созданный специальный отряд боевых пловцов «Фрегат-22». С тех пор минуло почти шестнадцать лет. И все это время моя жизнь была неразрывно связана с «Фрегатом».

Ну и последнее из моих личных характеристик. Я был однажды женат, и этого опыта мне хватило на всю оставшуюся жизнь. Теперь в ведьмах разбираюсь лучше святой инквизиции и обхожусь необременительными связями. Яркими и короткими, как вспышки молнии.

* * *

- Скат, я– Ротонда.
- Ротонда, Скат на связи.
- Ваша глубина?
- Прошли пятьдесят метров. Видимость похуже, течение усилилось.
- Понял вас...

Погружение происходит не в самом широком месте Татарского пролива, но и не в самом узком. Для выхода в нужные точки над кабелем на сторожевик еще вчера подсел странноватый дядька в гражданской одежке. Он неразговорчив, хмур и сосредоточен. У меня отличный нюх на сотрудников спецслужб, поэтому я сразу признал в нем офицера ФСБ. То бишь в некотором роде коллегу, ведь мой отряд тоже подчиняется одному из департаментов Федеральной службы безопасности.

Дядька обосновался в ходовой рубке и долго нависал над освещенной желтым плафоном морской картой. Затем, корректируя маневрирование судна малым ходом, отдавал команды капитану: два кабельтова прямо; циркуляция вправо тридцать; еще полкабельтова; стоп машина; отдать якорь...

Когда затих грохот брашпиля, он вызвал меня и сказал:

- Чтобы не повредить кабель якорем, я приказал капитану встать немного в стороне. Поэтому вам придется его поискать.
- Насколько далеко мы от кабеля?
- Южнее метров на триста-четыреста.
- Это не проблема, – отмахнулся я. – Найдем...

И вот моя пара идет вниз в надежде поскорее отыскать цель. Точнее, не строго вниз, а, подгоняемая течением, смещается к северу. Это нормально, так как точка погружения осталась южнее. А вот на подъеме к поверхности придется труднее.

«Плевать, – посматриваю на дисплей наручного компьютера. – Поднимемся, а там посмотрим. Два сигнальных патрона у нас имеется – в крайнем случае запалим и обозначим свое место. Подберут...»

- Ротонда, я– Скат.
- Скат, Ротонда на связи.
- Глубина сто метров. Продолжаем погружение.
- Понял вас. Доложите проход ста пятидесяти...

Беспокойство Георгия понятно. Мы едва успели покончить с одной трудной командировкой, как нарисовалось дельце на Дальнем Востоке. Отдохнуть толком не успели плюс утомительный перелет из Москвы. Впрочем, я бы тоже переживал за товарищей, если бы сидел на баночке у станции гидроакустической связи...

* * *

Полученное нами задание весьма непростое и отчасти небезопасное, поэтому один из нас помимо привычного снаряжения тащит оружие— автомат специальный двухсредный в конфигурации для проведения подводных операций. АДС— мощная и надежная штука. Под водой на небольших глубинах автомат поражает цели на дистанции до двадцати пяти метров, на суше ничем не уступает армейским «калашам».

Уходя все дальше от поверхности, регулярно поглядываю на дисплей дайверского компьютера, а заодно проверяю работу ребризера, а именно— исправность трех электронных датчиков глубины, регулирующих подачу кислорода.

Вообще-то мы крайне редко используем в своей работе акваланги. Разве что когда предстоит поработать на детской глубине, когда не нужно маскировать свое пребывание под водой и нет смысла расходовать дефицитные дыхательные смеси с дорогими регенеративными патронами. Основным же рабочим снаряжением является ребризер (re-breathe— «повторный вдох») замкнутого цикла с электронным управлением. Это очень дорогой и самый незаметный дыхательный аппарат, в котором углекислый газ поглощается химическим составом регенеративного патрона. В процессе дыхания смесь обогащается коктейлем из кислорода с дилуэнтном, содержащим нитрокс— смесь на основе гелия— и снова подается на вдох.

Ценность аппаратов подобного класса обуславливается наличием микропроцессора, дозирующего кислород в зависимости от глубины. Поэтому его обладателю необязательно тащить с собой пяток запасных баллонов с различными газами и нет нужды париться с регулировкой состава смеси. Кстати, за счет автоматической дозировки происходит эффективная и быстрая декомпрессия, иной раз не требующая выполнения «площадок». Под ребризером обычно находится двухлитровый резервный баллон, наполненный обычным сжатым воздухом. Он предназначен для аварийного всплытия с глубины пятнадцать-двадцать метров и поэтому шуточно именуется «парашютом дайвера».

* * *

— Ротонда, я— Скат. Глубина сто пятьдесят.

— Понял, Скат. Как условия?

— Видимость не превышает десяти метров, сильное северное течение. Продолжаем погружение.

— Понял вас. Двести доложите...

Двести мы, конечно, доложим. Только достичь этой приличной глубины— не половина, не треть и даже не четверть предстоящей работы. Это в лучшем случае— процентов двадцать.

Солнце достаточно высоко, однако сквозь приличную толщу воды лучи его света почти не проникают. На ста семидесяти метрах включаем штатные фонари...

Со мной капитан третьего ранга Михаил Жук. Он опытен, умен, выдержан и покладист. Ячасто работаю с ним в паре и привык к его спокойной и молчаливой манере взаимодействия. Вбольшинстве случаев нам не требуется гидроакустическая связь— мы понимаем друг друга, используя жесты, а порой и взгляды.

Наконец желтоватые фонарные лучи цепляют грунт. Мы почти на месте. Увы, ключевое слово в этой фразе— «почти». Одному Богу известно, сколько нам потребуется сил и времени, чтобы отыскать проклятый кабель. Азатем то, из-за чего на некоторое время прерывался секретный канал связи...

Глава вторая

Чили; южный пригород Ла-Серены

Две недели назад

Темный автомобиль с названием фирмы проката на левом борту остановился посередине тесного квартала, коих в пригороде Ла-Серены оказалось великое множество.

– Ты уверен, что это здесь? – вглядывался в однообразные двухэтажные домики пассажир – полный и абсолютно лысый мужчина преклонного возраста.

Сидевший за рулем крепыш с бычьей шеей сверился с картой города и кивнул:

– Все совпадает. Посигналить?

– Не нужно привлекать внимания – тут слишком много народа. Сходи, позвони в калитку.

Крепышу было лет тридцать с небольшим. Он вылез из салона, обошел автомобиль и направился к калитке в заборе из черных металлических прутьев. Подняв руку, он нажал клавишу звонка...

Вскоре со стороны заднего двора вышел пожилой мужчина в рабочей одежде.

Надев очки, пассажир авто прищурился и... улыбнулся, признав старого садовника, всегда и повсюду сопровождавшего своего хозяина.

Садовник открыл ворота и жестом пригласил гостей въехать на крохотную территорию перед домом.

– Какого черта Рауфф его держит?! Он же еле волочит ноги! – проворчал крепыш, вернувшись и усевшись за руль.

– Старость сентиментальна, – проскрипел с заднего сиденья пассажир. – Ктому же привычки имеют свойство изменять характер. Утебя, Вальтер, еще будет время это понять.

– Надеюсь, господин Руст...

Автомобиль занял площадку перед гаражом; здоровяк Вальтер выскочил из салона и, открыв заднюю дверцу, подал руку тучному старику. Тот неспешно высунул ногу, нащупал массивной тростью гравий и тяжело выбрался наружу.

– Прошу, господа, – поклонился садовник. – Хозяин давно ждет вас у водоема...

Вальтер взял старика под руку и повел вдоль светло-бежевой стены к заднему двору...

Несмотря на скромные размеры, двухэтажный особнячок выглядел свежим и добротным. Небольшой прямоугольный участок поражал ухоженностью и порядком: ровно подстриженные газоны, цветастые клумбы, чисто выметенные дорожки. В центре заднего двора в лучах полуденного солнца поблескивал овальный водоем, края которого украшали природные камни.

Хозяин сидел на деревянной лавочке у ближнего бережка водоема. О чем-то задумавшись, он разминал в ладони вчерашний хлеб. Всякий раз, когда крошки падали в воду, поверхность вскипала – стайка декоративной форели устраивала пиршество...

Подойдя к лавке, крепыш Вальтер тихо окликнул:

– Господин Рауфф! Бригадефюрер!

Хозяин не шелохнулся. Тогда за дело взялся толстяк Руст: подняв трость, он постучал по спинке деревянной лавки и громко позвал:

– Очнитесь, Кристиан!

Тот поднял голову и пару секунд смотрел на визитеров отсутствующим взглядом утерявших цвет глаз...

Сейчас он мало напоминал подтянутого и энергичного нациста, изобретавшего по приказу Генриха Гиммлера механизмы смелых и головоломных операций по спасению многочисленных ценностей, награбленных гвардией СС. Редкие седые волосы вокруг большой проплешины, дряблая кожа, изрядно «приправленная» пигментными пятнами, трясущиеся руки... Прямой нос с едва заметной горбинкой да волевой прямоугольный подбородок – вот и все, что осталось от молодого Кристиана Рауффа.

– А, это вы, – вернулся он в реальность. – Приветствую вас, Руст. А какой час?

– Полдень. Мы же договаривались встретиться в полдень! Разве вы забыли?

– Да-да...

– В какой жуткой глуши вы поселились, Кристиан! Мы проехали от Сантьяго почти пятьсот километров и успели трижды заблудиться, пока разыскали ваш дом в этой деревне!

– Это хорошо, – скривил старик тонкие губы в усмешке. – Чем труднее найти мое новое пристанище, тем спокойнее я проживу отпущенные Богом годы. Прошу в дом – там нас никто не услышит.

Трое мужчин обошли боковой дорожкой особняк, медленно поднялись по каменным ступеням крыльца и скрылись за скромными дверями...

* * *

Внутреннее убранство особняка выглядело не роскошно, но вполне благообразно, аккуратно и чисто. Вотделке помещений первого этажа не использовались редкие сорта древесины, как это было в Байя-Бланке. Однако и здесь по стенам висели картины в толстых багетах и витиеватые серебряные канделябры; в тон произведениям искусства была подобрана массивная мебель и плотные гардины. Вуглу потрескивали дрова в камине, а из кухни доносились привлекательные ароматы свежеприготовленного асадо и выпеченного альфахора.

Гостиная занимала добрую половину первого этажа. Вее уютное нутро и пригласил гостей Рауфф.

– Вы отлично устроились, Кристиан, – огляделся Руст.

– Не жалею, – кивнул старик. – И все-таки я скучаю по дому в Байя-Бланке и особенно по аргентинской кухне.

– А Парагвай, где вам пришлось ждать чилийской визы, не понравился?

– В Парагвае жаркий климат. Ктому же Асунсьон – слишком большой и шумный город. Ая, знаете ли, привык к тишине.

– Да, в нашем с вами возрасте лучше ничего не менять...

Заметив интерес гостей к аппетитным запахам, Рауфф довольно проворчал:

– Лучшая говядина делается в соседней Аргентине, но готовить ее умеют только в Чили. Прошу вас. Располагайтесь...

– И все же вы верны традициям, бригадефюрер, – заметил молодой Вальтер. – Внутри может быть что угодно, но снаружи – исключительно скромность.

– Я прожил почти сто лет и давно понял элементарную истину: чем меньше привлекаешь внимания, тем больше шансов умереть своей смертью в мягкой и теплой постели...

Гости устроились в мягких креслах у сервированного столика, хозяин подхватил бутылку красного вина и наполнил бокалы. Скоро из кухни появилась пожилая женщина в фартуке и подала горячую закуску.

Рауфф напомнил:

– Она глухонемая. Можете начинать, Людвиг.

Руст поскреб лысину, достал из портфеля газету. Развернув листы, нашел нужный материал.

– Ознакомьтесь.

– С чем именно? – зашуршал хозяин газетой и потянулся за очками.

– Там отмечено галочкой.

Рауфф замолчал, углубившись в чтение...

Через пару минут он бросил газету на стол, поднял свой бокал и сделал маленький глоток.

– Меня мало занимает большая политика, и к тому же побаливают глаза. Расскажите о сути в двух словах.

Хозяин дома имел чин генерал-майора СС, но полноватый гость держался довольно уверенно, вероятно, добившись в Третьем рейхе еще более высокого положения.

– В двух словах этого не изложишь. Но я постараюсь, – скривился он и указал узловатым пальцем на газету – Там написано об очередном заседании Бильдербергского клуба.

– Опять евреи с масонами?! – побагровел от злости Рауфф.

– Опять, Кристиан, опять. Само по себе заседание нам безынтересно – заурядное собрание с извечной болтовней о сохранении элитаризма, о путях выхода из глобального кризиса, в который они сами же вогнали весь мир, о ценах на углеводороды, об экологии... А параллельно с общими заседаниями клуба, как водится, происходили тайные совещания высшего руководства – так называемого Комитета. И одним из пунктов на тайных совещаниях был вопрос финансирования очередных революций на Ближнем Востоке.

Рауфф внимательно смотрел на пухлые губы собеседников. В его преклонные годы слух все чаще подводил, и, наблюдая за артикуляцией, ему было проще понимать собеседника.

Он нахмурился:

– Я догадываюсь, о чем совещались эти люди. Им снова понадобились наши деньги. Верно?

– Вы правы, – кивнул Людвиг Руст. – Масоны хотят отыскать и присвоить наше золото.

– Сволочи! – выругался Рауфф. – Мало им награбленного по всему миру!.. Кстати, о каком из тайников шла речь?

– О секретном бункере в Кёнигсберге.

Рауфф глотнул из бокала вина и помассировал выступающий подбородок.

– В названном тайнике спрятано немало сокровищ, – выдавил он. – И там не только изделия из золота и драгоценных камней...

– А что еще?

– Редчайшие образцы живописи, скульптуры, коллекции очень дорогой посуды, старинного оружия. Впрочем, будет скверно, если они до него доберутся.

– Примерно о какой сумме идет речь?

– В августе сорок четвертого сокровища Королевского замка оценивались в полтора миллиарда рейхсмарок.

Гости изумленно переглянулись. Проглотив вставший в горле ком, Руст выдохнул:

– Если не ошибаюсь, с тех пор их цена выросла в несколько раз?

– Именно так. И учтите, что речь идет исключительно о денежном эквиваленте сокровищ. Без учета, так сказать, культурной и исторической ценности собранного там материала.

Успокоив дыхание, Руст перешел к делу:

– Вы готовы сообщить подробности, связанные с тайником?

– Разумеется. Только у меня одна просьба, Людвиг.

– Слушаю вас, Кристиан.

– Избавьте меня от участия в поисках этого клада. Я слишком стар, чтобы летать на самолетах через океан, участвовать в погонях и перестрелках и лазать по подземельям.

– Вы все еще не отошли от недавних впечатлений?

– Представьте, да. Мне до сих пор снятся подробности операции по возвращению золота фельдмаршала Роммеля. В итоге мы подняли со дна Средиземного моря всего одну корзину,

наполненную золотым хламом египетских фараонов, а я трижды побывал в предынфарктном состоянии.

– Хорошо, мы попробуем обойтись без вас, – вздохнул Руст. Иподозрительно прищурился – Надеюсь, накануне нашего приезда к вам не навевались под видом грабителей агенты Комитета, как это случилось в Байя-Бланке?

– Бог миловал. Полагаю, на некоторое время я оторвался от слежки после чехарды переездов по Южной Америке.

– Ну и славненько. Когда я могу получить материалы по бункеру?

Посидев несколько минут неподвижно, словно что-то припоминая, Рауфф разлил по бокалам остатки вина, тяжело поднялся с кресла и удалился из гостиной.

Гости ждали хозяина и неспешно потягивали великолепный «Карменер» пятилетней выдержки...

Оба они были немцами и, как выражались во времена Второй мировой войны, чистокровными арийцами.

Людвиг Руст в начале сороковых сделал стремительную карьеру и в неполные тридцать лет в чине генерал-лейтенанта занимал должность заместителя самого Альфреда Йодля – начальника Штаба оперативного руководства Верховного командования вермахта.

Здоровяк Вальтер был на шестьдесят лет моложе и имел скромное звание капитан бундесвера. Вгородке Эккернфёрд он возглавлял разведывательное подразделение, входившее в структуру «SEK M» – сил особого назначения ВМС. Несколько лет назад его уволили из бундесвера за ультраправые взгляды и откровенно нацистские высказывания. Стех пор он полностью посвятил себя развитию и объединению неонацистского движения, искорки которого вспыхивали то в одной части света, то в другой.

Кристиан Рауфф, как и Людвиг Руст, тоже успел поносить генеральские погоны. Вконце весны 1943 года по окончании операции «Золото Роммеля» Генрих Гиммлер лично вручил ему петлицы бригадефюрера и генерал-майора войск СС, а также Рыцарский крест Железного креста с Дубовыми листьями.

* * *

– Ну наконец-то! – радостно всплеснул руками толстяк, завидев появившегося в дверях Кристиана.

– Я решил угостить вас настоящим коллекционным вином, – показал тот запывлившуюся бутылку. – Выдержка более тридцати лет.

– Предположу, что вы привезли его с собой из Аргентины, – улыбнулся Руст.

– Угадали. Прихватил десяток бутылочек...

В левой руке Рауфф нес вино, под мышкой торчала папка из серого картона с тиснением в виде германского орла. Отдышавшись у входа в гостиную, он подошел к столу, передал соратникам «трофеи» и принялся откупоривать бутылку.

– А у этого, – уважительно похлопал Руст по серой папке, – выдержка будет посолиднее. Не так ли, господа?

Молодой Вальтер благоговейно провел пальцами по тисненому картону и прошептал:

– Создано в сентябре сорок четвертого; подписано самим рейхсфюрером СС Гиммлером. Сегодня подобные раритеты стоят многие миллионы.

– Настоящие коллекционеры дорого заплатили бы за бумаги, к которым прикасался рейхсфюрер, – спокойно рассуждал Рауфф, разливая багровое вино. – Асодержимое этих документов стоит в тысячи раз больше.

Похоже, Руст не собирался раскрывать папку и изучать документы в доме Кристиана. Однако тот предостерег:

– Людвиг, мне не хотелось бы повторять ошибку прошлой операции, когда секретной информацией завладели люди из Комитета. Пожалуйста, ознакомьтесь с материалами здесь.

– Не понял, – уставился тот на бригадефюрера.

– Все наши архивы спрятаны в надежном месте, но вы должны помнить, что по этому поводу говорил наш общий знакомец – старина Генрих Мюллер.

– Мюллер? Он был неглупым человеком, – пожал плечами Руст, – и в каждую фразу вкладывал глубочайший смысл.

– Вот именно. А по поводу сохранности тайн он говорил следующее: «Что знают двое, то знает свинья».

– Что же вы предлагаете?

– Я предлагаю изучить материалы здесь, после чего уничтожить папку. Это станет гарантией того, что информация останется только в вашей голове.

– Уничтожить? – растерянно переспросил генерал-лейтенант.

– Да, уничтожить. А именно сжечь, – кивнул Кристиан на огонь в камине.

Помедлив и пожевав толстые губы, Руст надел очки, раскрыл папку и, зашелестев схемами, описями, пожелтевшими снимками, надолго углубился в чтение...

* * *

– Кто эти люди? – показал Руст две черно-белых фотографии.

– На первом фото запечатлен штурмбаннфюрер Карл фон Залиш – уполномоченный SD III по району «Восток». Именно он с дивизионной командой разъезжал по восточным землям и реквизировал ценности.

– А второй?

– Штурмбаннфюрер СС Вальтер Кубицки – сотрудник IV управления РСХА и глава службы контрразведки «Восток». Он отвечал за секретность операции и сохранность сокровищ. Под его руководством строился специальный подземный бункер для долговременного хранения.

– Надеюсь, эти люди мертвы?

– Не беспокойтесь. После окончания строительства бункера и закладки в него сокровищ Карл фон Залиш и Вальтер Кубицки были отозваны в Берлин, где и закончили свой земной путь.

– Понятно. А это – описи сокровищ? – приподнял Руст пачку исписанных листов.

– Да, полные описи. Думаю, они вам не пригодятся.

– Почему?

– Замок Тевтонского ордена в Кёнигсберге просуществовал до конца шестидесятых годов. Если разрушившие его большевики случайно наткнулись на бункер, то выгребли из него все до последнего золотого перстня. Если Бог был на нашей стороне, то сокровища остались нетронутыми.

– Логично, – согласился генерал-лейтенант, откладывая листы в сторону.

Следующий лист плотной бумаги представлял собой сложенную вчетверо подробную карту бункера. Влево ее части красовался вертикальный разрез нескольких уровней, вправо – изображение в плане.

– С этим документом я советую ознакомиться самым наилучшим образом, – прокрипел Рауфф. – Ознакомиться и запомнить каждую его деталь.

Руст вопросительно посмотрел на коллегу поверх очков.

– Увы, Кристиан, я не могу похвастаться хорошей памятью.

– Скверно. Очень скверно.

– А в чем дело, дружище?

– Дело в том, что конструкция бункера довольно запутанна, имеет несколько длинных коридоров и обширных помещений; входы в некоторые из них замаскированы. А чтобы выйти из него, потребуется хорошее здоровье и определенные навыки. Надеюсь, вы, Людвиг, не намерены лично спускаться в бункер?

– Нет, конечно! Куда мне лазить по подземельям, ведь мы с вами почти ровесники.

– Кому вы намерены поручить операцию по извлечению сокровищ?

– Ему, – кивком указал Руст на молодого мужчину.

Вальтер уже несколько лет сотрудничал с генералом Рустом и доказал свою преданность делу восстановления рейха. Он был достаточно образован, умен, изворотлив, знал несколько языков и бывал во множестве стран, а в подразделениях особого назначения ВМС Германии его обучили всему тому, что могло бы пригодиться при выполнении непростой задачи по возвращению сокровищ Кёнигсберга. К тому же Вальтер понимал русский язык и вполне обходился без переводчика при общении с выходцами из России.

Прищурившись, Рауфф посмотрел на бывшего капитана бундесвера, словно оценивая его потенциал.

– Что ж, думаю, он справится.

– Я тоже придерживаюсь этого мнения, – кивнул Людвиг.

– Ну так и отдайте ему карту – пусть изучает, – пробурчал старый эсэсовец. – А мы с вами выпьем еще по глотку...

Вальтер послушно склонился над картой, а хозяин дома разлил по бокалам остатки красного вина...

Глава третья

Российская Федерация; Татарский пролив

Около недели назад

Желтоватые фонарные лучи обшаривают неровное дно, состоящее из покрытых слоем ила валунов. Где-то здесь должен пролегать кабель связи— цель нашего погружения.

– Ротонда, я– Скат. Глубина двести. Достигли дна.

– Понял, Скат. Как условия в придонном слое?

– Видимость метров семь-восемь, сильное северное течение. Приступаем к поиску.

– Понял вас...

Кабель довольно толстый, ну и соответственно очень длинный— соединяющий два берега пролива. Вот только задачу по его поиску это не облегчает. Достигнув дна, мы даже толком не знаем, в какую сторону двигаться— на север или на юг. Вчера моя пара большую часть времени пребывания у морского дна потратила на поиски проклятой кишки, защищенной толстым бронированным слоем металла. Сегодня, дабы облегчить поиск, я прихватил навигационно-поисковую панель. Панель «P-Sea»— незаменимая для таких случаев вещь. Немного тяжеловата— в воде ее вес составляет около трех килограммов, зато полностью заменяет визуальное восприятие в радиусе до ста метров. Она оснащена сканирующим гидролокатором кругового обзора и цветным пятидюймовым дисплеем, на котором отлично отображается рельеф подстилающего грунта, объекты и крупные предметы, группы водолазов и даже косяки мелкой рыбешки. Помимо самих предметов на экране появляются геометрические данные об их размерах, дистанции, пеленге и высоте расположения от уровня дна. Впрочем, чудо современной техники, имеющее, правда, один существенный недостаток: максимальная глубина использования— двести метров. Мы как раз достигли этого значения.

Я внимательно слежу за тонким лучом, ползущим по темному экрану и оставляющим светло-голубые всполохи...

Нет, пока на донном рельефе кабель не просматривается.

Предлагаю напарнику:

– Пройдемся немного на юг, а потом двинем в обратную сторону.

Миша Жук кивает и, сохраняя дистанцию, двигается следом за мной...

* * *

Вообще-то, профессия боевого пловца уникальна. Мы не имеем ни одной гражданской специальности, но запросто задерживаем дыхание на четыре минуты и знаем все, что касается снаряжения и дыхательных аппаратов— как отечественных, так и зарубежных. Мы не умеем обособлять запятыми дееспричастные обороты, зато лаконично и с завидной точностью составляем отчеты о проделанной работе на глубине. Мы малосведущи в инжекторных движках современных автомобилей, но при этом с легкостью управляем всевозможными судами и подводными лодками различных классов. Мы никогда не занимались наукой, но расскажем о флоре и фауне океанов больше ихтиолога с ученой степенью.

Единственные профессионалы, с которыми нас корректно сравнивать по сложности выполняемых задач, это— разведывательно-диверсионные группы спецназа. Их тоже готовят и

натаскивают по несколько лет, им тоже приходится скрытно работать в отрыве от основных сил, и они тоже ежеминутно рискуют жизнью, находясь в тылу врага. Разница состоит лишь в том, что бойцов элитного сухопутного спецназа в разы больше, чем боевых пловцов. Нас на всю необъятную Россию— всего около двухсот человек. Это тоже один из парадоксов нашей великой страны: длина сухопутных границ составляет двадцать две тысячи километров, а морских почти сорок. Однако людей, способных обезвредить непрошенных гостей со стороны морей и океанов, непозволительно мало.

* * *

Пока мы шли от поверхности до дна Татарского пролива, нас прилично сносило течением на север. Прочесав дно на сотню метров в южном направлении и убедившись, что при погружении мы не проскочили кабель, я приказываю Михаилу повернуть назад.

Быстро вернувшись тем же маршрутом в исходную точку, начинаем прочесывать дно в северном направлении. Сэтого момента надо быть внимательнее— Миша осматривает дно, а я почти не отрываю взгляда от экрана панели.

Проходим тридцать метров, шестьдесят, девяносто...

Пусто. Напарник в недоумении поглядывает на меня.

— Надо искать, Миша, — упрямо двигаюсь вперед. — Ведь где-то он должен быть!..

Мы прошли более двухсот метров, прежде чем наткнулись на проклятый кабель. Здесь вдали от берега он был прилично занесен илом, и мы едва его не проскочили.

Итак, один ребус мы решили. Настало время решать второй, состоящий в поиске небольшого белого флажка, которым вчера третья смена отметила точку завершения осмотра. Данная задача проще.

Отправляя Михаила в одну сторону, сам ищу заветную метку в противоположном направлении. Буквально через минуту слышу доклад напарника:

— Командир, есть контакт!

Ну, слава богу. Разворачиваюсь и спешу вдоль кабеля к Михаилу...

Справедливости ради замечу: сегодня поиски заняли вдвое меньше времени, чем вчера.

А вот и Жук, подсвечивающий в мою сторону фонарем.

— Ротонда, я— Скат.

— Скат, Ротонда на связи.

— Мы над объектом. Начали осмотр в западном направлении.

— Понял. Даю катеру команду продвинуться на восемьсот метров западнее.

— Действуй. Конец работы и начало «восхождения» доложим...

Выключенная панель прижата к боку ремешками подвесной системы— кабель найден, и сегодня она уже не пригодится. Теперь для нас основными инструментами являются фонари.

Михаил вытаскивает из ила тонкое древко флажка, с тем чтобы воткнуть его там, где наша пара завершит свою работу. Имы потихоньку двигаемся в западном направлении...

* * *

Жук идет левее кабеля, я— правее. Теперь перед нами стоит третья и самая главная задача: поиск места, где кабель был случайно поврежден сброшенным с судна якорем или каким-либо другим увесистым предметом. Мало ли что сбрасывают с судов наши доблестные морячки! Таким предметом может оказаться металлическая бочка, наполненная тяжелым хламом, старая проржавевшая лебедка или сорванная штормом балка-укосина.

Пока все в норме— кабель покоится под ровным слоем ила. Судя по толщине слоя, он пролежал на дне в полном покое как минимум несколько лет.

Изредка поглядываю на дисплей наручного дайверского компьютера. Вего верхнем левом углу мерцают цифры, обозначающие общее время работы под водой.

– Сколько прошли? – интересуется Михаил. – По моим расчетам, метров семьсот.

– По моим, примерно столько же...

Миша спрашивает неспроста. Осматривая кабель, мы движемся довольно медленно – на изучение семисотметрового участка потратили около получаса. Плюс время, затраченное на погружение и поиск. Итого выходит полтора часа. Прилично.

– Пройдем еще метров двести и начнем подъем, – успокаиваю напарника.

Тот кивает...

* * *

Помимо незнакомого сотрудника ФСБ, выводившего сторожевик к точке сброса якоря, на судне присутствует наш непосредственный шеф – Сергей Сергеевич Горчаков.

Ему около шестидесяти. Он руководит одним из департаментов ФСБ, имеет звание генерал-лейтенанта, но форму надевает крайне редко. Горчаков шупл, небольшого росточка; седые волосы обрамляют лицо с правильными чертами. От частого курения кожа его рук и лица тонка и почти не имеет цвета. Однако внешность мало перекликается с внутренним содержанием: при некоторых недостатках характера он остается великолепным профессионалом и очень достойным человеком. Иногда он может наорать, вспылить и даже объявить взыскание – в девяти из десяти случаев это произойдет заслуженно; а в десятом, осознав свою ошибку, он не побрезгует извиниться и пожать руку. Мне нередко достается от него за дерзость, едкие шуточки и независимый характер, но в целом он относится ко мне с теплотой и с ровной строгостью.

А еще мы считаем его ангелом-хранителем отряда специального назначения «Фрегат». Ксожалению, в опасной работе боевых пловцов иногда случаются нештатные ситуации, трагедии и прочие неприятности, просчитать которые заранее невозможно. Икаждый раз Сергей Сергеевич едва ли не грудью защищает нас от карающего самодурства чиновников различных рангов.

Шеф часто сопровождает нас в ответственных командировках и лишь в редких случаях, когда предстоит совсем пустяковая работа, остается в Москве. Вэтот раз он почему-то решил прошвырнуться через всю страну вместе с нами.

В этот раз Горчаков чем-то расстроен и выглядит уставшим. Перед посадкой в самолет в «Чкаловском» я его спросил:

– Сергей Сергеевич, зачем вам эта командировка? Что мы, сами не справимся?! Там дел на три дня: нырнуть, найти повреждение и вернуться! Отдохнули бы в санатории, подлечились бы...

Помедлив, он хитро прищурился:

– Ты доверяешь моей интуиции?

– Да, вполне.

– Так вот интуиция мне подсказывает, что с кабелем не все так просто.

Выражение моего лица в тот момент, наверное, имело слишком глуповатый вид, потому что шеф засмеялся и, похлопав по плечу, подтолкнул к трапу.

Получасом позже, сидя рядом с ним в салоне «конторского» самолета, я спросил:

– Почему вы сочли нашу командировку не простой? Неужели только полагаясь на интуицию?

– Видишь ли, – подумав, ответил он, – я тут проконсультировался у больших специалистов по кабельной связи и...

– И что же они сказали?

– Если бы кабель был поврежден из-за разгильдяйства пьяных моряков с рыболовного траулера, то связь оборвалась бы полностью. Или же повреждение давало бы стабильные помехи.

– А разве она восстановилась?

– Представь, да. По сообщению военных специалистов, были зафиксированы сильные помехи и кратковременная потеря связи. Буквально на несколько минут, после чего все помехи исчезли и связь стала нормальной. Аэто, согласишься, подозрительно...

Я размышлял над словами Горчакова около часа. Рациональное зерно в его подозрениях имелось, однако в технических штучках он смыслил мало, а фантазировать и перестраховываться любил сверх всякой меры. Посему вскоре я попросту заснул под однообразный вой турбин, а проснувшись перед посадкой в Южно-Сахалинске, и вовсе забыл о коротком разговоре...

* * *

Мы «протопали» по-над кабелем еще двести с лишним метров, выполнив тем самым норму одной смены.

– Ротонда, я– Скат.

– Скат, Ротонда на связи.

– Закончили осмотр. Начинаем «восхождение».

– Понял вас. Катер на месте, команда ждет...

Миша аккуратно водружает в холмик ила рядом с кабелем белый флажок, и мы начинаем подъем.

Путь к поверхности занимает достаточно много времени. Во-первых, даже при электронной дозировке смеси нужно соблюдать меры безопасности и выполнять площадки для декомпрессии. Во-вторых, проведя на глубине более двух часов, мы попросту устали...

Наконец поверхность светлеет. Мы замечаем продолговатое тело поджидающего нас катера и слегка корректируем курс, чтобы всплыть поближе к его борту.

Работа нашей смены закончена. Скоро матросы помогут нам взобраться на борт катера, который доставит нас к штормтрапу сторожевика. На его палубе уже готовится принять эстафету вторая смена в составе Устюжанин – Фурцев. Возможно, им посчастливится обнаружить причину кратковременного выхода из строя кабеля связи?..

Глава четвертая

Германия; Франкфурт-на-Майне

Две недели назад

– Наконец-то... – вздохнул Руст в ответ на объявление о начале снижения. – Если бы ты знал, Вальтер, как меня утомляют эти перелеты через Атлантику!..

– Да, впечатление не из приятных, – откликнулся тот. – Но мы уже почти прилетели– минут через тридцать посадка в аэропорту Франкфурта.

– Вот что, Вальтер, – негромко сказал бывший нацистский генерал, – давай-ка обговорим план дальнейших действий.

– Прямо здесь?!

– Лучше здесь, чем в автомобиле или моем офисе. Там могут быть лишние уши.

– Хорошо. Яготов...

Склонив друг к другу головы, мужчины принялись шепотом обсуждать детали изъятия сокровищ из подземелий разрушенного замка. Они были настолько увлечены, что не заметили, как самолет коснулся колесами шасси бетонной полосы и долго рулил по дорожкам, как остановился у одного из пассажирских терминалов. Лишь когда сидящие вокруг пассажиры начали вставать с кресел и доставать из шкафчиков ручную кладь, Руст опомнился.

– Мы прилетели, Вальтер! Пора собираться.

– Действительно, – огляделся по сторонам помощник. – Но мы не успели закончить.

– Встретимся сегодня вечером и закончим.

– Где?

– На западе Франкфурта есть тихий райончик под названием Боккенхайм. Знаешь такой?

– Да, мне приходилось там бывать.

– На пересечении Friesengasse и Appelsgasse есть небольшое уличное кафе. Ябуду ждать тебя за одним из столиков в семь часов вечера. Да, и вот еще что, – поправил Руст галстук, – в этом нелегком деле тебе понадобятся помощники– пара надежных, толковых и хорошо подготовленных физически ребят. Есть такие на примете?

Секунду подумав, Вальтер кивнул:

– Имеются.

– Яне тороплю с выбором кандидатов. Хорошенько подумай и реши самостоятельно– у тебя неплохой выбор кандидатов. Вечером привезешь их фото для паспортов; фамилии у них будут другие...

* * *

Вечером они встретились по вышеназванному адресу. Местечко действительно было тихим и почти безлюдным– вокруг белоснежные трехэтажные домишки под черепичными крышами, благоухающая зелень, брусчатая мостовая. Идесяток столиков крохотного кафе.

Пока на кухне готовился заказанный кофе, Руст поинтересовался:

– Помощников подобрал?

– Да, – кивнул Вальтер и положил на стол тонкий журнал, под обложкой которого лежали фотографии для новых документов. – Оба– члены нашей неонацистской ячейки. Мартин из

Эшборна, окончил три курса Университета прикладных наук, был отчислен по неуспеваемости и призван в Военно-морские силы. Отслужил два года на подводной лодке проекта 212А. Затем прошел подготовку в нашем диверсионном центре.

– Неплохо. Что представляет собой второй?

– Второго зовут Бруно. Пару лет назад он окончил университет Штутгарта; проживает там же.

– Какой факультет?

– Архитектура и градостроительство. Несколько раз выезжал на практику и принимал участие в археологических раскопках.

– Это же находка для нашей миссии! – улыбнулся Руст и замолчал. Ких столику направлялась официантка.

Девушка поставила перед мужчинами две чашечки кофе, положила сахар, обернутые в салфетки ложечки и, мило улыбнувшись, удалилась.

– Документы я подготовлю в ближайшие два-три дня, – продолжал Руст приглушенным голосом. – По легенде ты – профессор археологии, специализируешься на изучении культурных слоев германских племен V–XIII веков. Стобой два ассистента, имеющие ученые степени.

– Хм... Почему с пятого по тринадцатый?

– Потому что история пруссов до захвата их земель в тринадцатом веке Тевтонским орденом до сих пор мало изучена.

Сделав глоток горячего напитка, Вальтер кивнул.

Генерал же посоветовал:

– Ты вот что... Пока есть время, купи несколько книжиц и почитай что-нибудь о Пруссии, о Кёнигсбергском замке, о культуре боевых топоров, шнуровой керамики, шаровидных амфор.

– Считаете, я не обойдусь без этой информации?

– Не исключаю. Во-первых, она пригодится для общения с русскими «коллегами». Во-вторых, это частичка истории великой Германии. Ав-третьих, просто интересно...

* * *

Через двое суток Людвиг Руст и Вальтер встретились снова. Теперь местом встречи старый нацист выбрал деловой центр Франкфурта, а именно огромную галерею «Сити». Здесь всегда было много туристов и покупателей, затеряться среди которых не представляло труда.

Поднимаясь на эскалаторе, Руст пристроил наконечник трости на ребристой ступеньке и осторожно оглянулся по сторонам. Не заметив ничего подозрительного, он вынул из кармана пухлый конверт.

– Спрячь.

Молодой мужчина быстро сунул его в карман пиджака.

«Что в нем?» – вопрошал его выразительный взгляд.

– Как всегда, – негромко ответил генерал. – Полный комплект документов с открытыми визами для тебя и двух помощников, твой профессорский диплом, оформленная по всем правилам командировка от музейного сообщества земли Баден-Вюртемберг, банковская карта, билеты на самолет и немного наличности. Имена в документах настоящие: Вальтер, Бруно и Мартин. Фамилии изменены, но соответствуют настоящим сотрудникам музейного сообщества, так что в этом смысле придраться к вам будет сложно. Кстати, отныне ты Вальтер Пфаннштилль.

– Жуткая фамилия, – пробормотал молодой мужчина. – Когда вылет?

– Завтра утром. Первая кратковременная поездка уже согласована с российскими властями.

– Так быстро?!

– Тише, – напомнил о конспирации Людвиг. – Я давно научился разговаривать с чиновниками из России. Когда намекаешь на денежную компенсацию их усилий, то любые вопросы решаются в разы быстрее, чем в Германии. Вкакой-то степени это удобно и практично. Апока ты будешь в России, я займусь документами и разрешением на вторую– более длительную поездку.

Эскалатор доставил мужчин на следующий уровень галереи. Пройдясь вдоль витрин внутренних магазинов, они свернули в один из аппендиксов. Здесь народу толкалось поменьше, а в середине под ветвистыми пальмами стояли удобные лавочки.

– Присядем, – указал Руст на ближайшую.

Дождавшись, когда мимо пройдет стайка студентов, он продолжил:

– Твоей группе разрешен въезд на территорию Калининградской области на четверо суток. Думаю, этого времени вам хватит, чтобы справиться с первым заданием.

– Какова его суть?

– Ты должен осмотреть подвалы здания, возведенного на месте Королевского замка, и сделать кое-какие заключения.

– Что за здание стоит на месте замка?

– Огромный и уродливый Дом советов. Он достроен до верхней точки, но так и не введен в эксплуатацию. Кстати, возвели его на месте юго-восточной части замка.

Вальтер почесал складки кожи на черепе, напрягая мозг.

– Да-да, я хорошо запомнил подробный план. Бункер был построен точно под южным крылом замка.

– Совершенно верно. Это означает, что ныне над ним находится Дом советов.

– Что конкретно я должен буду сделать?

– Первое: изучить подвальные помещения современного здания. Второе: определить приблизительное местонахождение бункера. И третье: выяснить, не поврежден ли бункер большевиками во время строительства.

– Не такое уж и сложное задание, – скривил губы Вальтер. – Бывало и похуже.

Опираясь на трость, Руст тяжело поднялся:

– Не торопись с выводами. Ведь каждое свое действие тебе придется объяснять русским и согласовывать с ними. Ксожалению, всех их подкупить невозможно– у нас просто не хватит средств. Исходя из данной реальности тебе придется проявить максимум находчивости, актерского таланта и красноречия.

– Вы правы, – пробормотал молодой мужчина, поддерживая старика под руку. – Мы еще встретимся?

– А как же! Завтра приеду в аэропорт и полюбуюсь издалека на группу немецких ученых-археологов. Так что прошу не расслабляться и подготовиться как следует...

* * *

Утром следующего дня Руст появился в аэропорту за двадцать минут до начала посадки на рейс Франкфурт– Калининград. Опираясь на тросточку, он отыскал нужный сектор и неспешно прошелся, поглядывая на небольшую очередь к стойке.

Найти в толпе Вальтера сразу не получилось– подводило слабое зрение. Но бывший генерал не сдавался. Надев очки, он подошел поближе и, задрав голову вверх, сделал вид, будто читает надписи на электронном табло. Сам же рассматривал пассажиров...

Наконец у самой стойки мелькнуло знакомое лицо. Руст снял очки и, протирая их носовым платком, подошел еще ближе.

Теперь он хорошо видел и своего помощника, и двух его спутников.

Вальтер был одет в ветровку поверх клетчатой рубашки, в хлопчатобумажные брюки и полуспортивные ботинки. На полу возле его ног стояла дорожная сумка.

– Неплохо, – оценил Руст. – Простенько, демократично, со вкусом...

Оба товарища Вальтера тоже вполне походили на ученых: практичная обувь, джинсы, футболка или рубашка, легкие куртки и сумки, напоминавшие современные рюкзаки. Один даже носил очки в тонкой оправе и был удивительно похож на доцента с кафедры геологии или прикладных наук.

Помимо сумок в багаже группы бывший нацистский генерал узрел пару длинных чехлов.

– Вероятно, какой-то инструмент, – прошептал он и заковылял к эскалатору, повторяя как заклинание – Неплохо... Вальтер знает, что делает... Неплохо...

Сегодня намечалась еще одна важная встреча, связанная с возвращением сокровищ Кёнигсберга. Асвязь с Вальтером должна была состояться ближе к вечеру, когда его группа прибудет в Калининград, встретится с принимающей стороной и разместится в гостинице.

Глава пятая

Российская Федерация; Татарский пролив

Около недели назад

Я сижу на «баночке»– обычной деревянной табуретке, принесенной матросом из кубрика. Рядом на таком же «постаменте» покоится раскрытая станция гидроакустической связи–этакий ноутбук, только толще, тяжелее и без экрана. Вместо монитора в крышку вмонтирован динамик и несколько ручек регулировки.

В левой руке я держу микрофон, в правой– карта дна Татарского пролива. На глубине заканчивает работу третья смена: Степанов– Савченко. Ребятам осталось пройти по-над кабелем метров сто пятьдесят, после чего они воткнут в ил флажок и направятся к поверхности. Увы, но причину кратковременного сбоя связи не удалось отыскать ни второй, ни третьей смене.

Возвратившись на поверхность, мы с Михаилом проводили на глубину Устюжанина с Фурцевым, затем пообедали в кают-компании, немного передохнули в каюте и подменили на вертолетной площадке Анатолия Степанова. Ему следовало готовиться к погружению в составе третьей смены.

Полчаса назад ко мне подходил озадаченный Горчаков.

– Устал? – справился он, вытягивая из пачки сигарету.

– Уже отдышался, – ответил я, отлично понимая, к чему он клонит. – Хотите, чтобы мы с Жуком проутюжили еще один километр?

– А успеете?

Я посмотрел на часы. До захода солнца оставалось более четырех часов. Газ в баллоны наших ребризеров был забит, да и усталость давно отступила.

– Успеем.

– Тогда с меня причитается, – улыбнулся генерал, выпуская тонкую струйку дыма.

Я скептически усмехнулся:

– Легче шулера в карты обыграть, чем с вас долги взыскивать...

* * *

Кратковременный отдых закончен, и мы с Мишей вновь погружаемся в холодную пучину. До захода солнца часа три с небольшим. Не знаю, успеем ли мы осмотреть километровый участок кабеля. Ну, уж сколько успеем. Главное, что после второго и последнего погружения светит сытный ужин и спокойная ночь в каюте сторожевика.

На этот раз нам повезло– поиски маячка, обозначающего конец осмотренного участка, заняли всего несколько минут.

– Вот он, – послышался радостный возглас Михаила.

Я проследил за лучом его фонаря и заметил крохотное светлое пятно на темном фоне бугристого ила. Подхватив флажок, мы привычно двинулись в направлении западного берега пролива...

Первые пятьсот метров, пройденные по кабелю, не приносят результатов. На всем протяжении кабель «заметен» толстым слоем ила, не тронутого рукой человека и не поврежденного

каким-либо упавшим в воду предметом. Влучах фонарей постоянно мельтешат гонимые течением «осадки»— органические и неорганические частички. Именно они, медленно опускаясь на дно, слой за слоем образуют толщу ила.

Пройдены еще две сотни метров. Ничего.

В моей голове (да и в Мишкиной, уверен, тоже) все чаще представляется картина, как мы уходим вверх, как достигаем поверхности и переваливаемся через низкий борт катера, как снимаем с себя жесткие многослойные гидрокомбинезоны... Это дает о себе знать усталость, ведь каждое движение на двухсотметровой глубине дается с трудом. Мышцы и суставы изнаивают, дыхание сбивается.

До окончания километрового участка оставалось не более сотни метров, когда мы с Михаилом одновременно заметили впереди нечто особенное. К тому моменту мы настолько привыкли к однообразной картинке, что небольшое углубление, сделанное в виде аккуратной конусообразной воронки, сразу бросилось в глаза.

В неординарных случаях на глубине мы с коллегами по отряду всегда соблюдаем режим «радиомолчания». Вот и сейчас, узрев явную причину сбоя в работе кабеля, мы с Михаилом общаемся жестами.

«Смотри по сторонам, – командую напарнику. – Я проверю...»

Осторожно подхожу ближе, в надежде увидеть в центре воронки какой-нибудь увесистый металлический предмет. К примеру, выброшенный за борт сломанный электродвигатель от лебедки. «Хотя, – подумалось мне, – вряд ли движок пробил бы полуметровый слой ила и бронированную защиту кабеля».

Все верно— никакого движка в воронке нет. Вместо него в свете фонаря поблескивает стальной оболочкой «спина» кабеля, а сверху на ней темнеет непонятная штукавина прямоугольной формы.

«Что за хрень?»— с опаской подхожу ближе. Ивнезапно торможу, вспомнив одну крайне занятную информацию...

* * *

Наши американские «друзья» занимались разработкой аппаратуры по считыванию информации с советских подводных кабелей секретной связи с начала семидесятых годов.

Первым таким устройством был исполинский контейнер под кодовым названием «Кокон». Длина его составляла пять метров, диаметр немного недотягивал до полутора. Весила шпионская «штука» ни много ни мало семь тонн, ибо внутри была напичкана электронным оборудованием для приема, усиления, преобразования и записи снятых с кабеля сигналов. Ну и плюс ядерный (плутониевый) источник электроэнергии, рассчитанный на десятилетия бесперебойной работы.

Суть задумки была довольно проста и вместе с тем элегантна: специально оборудованная разведывательная субмарина регулярно наведывается в район закладки «Кокон»; боевые пловцы (а в некоторых случаях— робот) меняют пленки с магнитными записями, и... данные об испытаниях наших баллистических ракет или дежурств атомных подлодок ложатся на стол директора ЦРУ.

С конца семидесятых и до середины восьмидесятых годов примерно так и было: вложив несколько миллиардов долларов в разработку «Кокон» и обеспечивающей его техники, американцы получали секретную информацию стратегического значения. Вернее, они так считали. Потому что наши спецслужбы, потратив меньше миллиона на вербовку офицера связи из Штаба командования подводными силами в Атлантике и узнав об «элегантной» задумке еще на стадии разработки, все это время скармливали потенциальному неприятелю полнейший бред под названием «дезинформация».

Габариты и вес более поздних образцов становились скромнее, а главное, хитрее. Однажды моим коллегам удалось обнаружить в Охотском море и поднять «Кокон». Дабы предотвратить подобные провалы, американцы стали комплектовать подобные изделия системой самоликвидации. Заметил, подошел, начал демонтировать с кабеля, и... твои родственники готовят кутью.

Именно поэтому я и притормозил, не доплыв до странного «коробка» нескольких метров.

* * *

Жестом подзываю напарника. Итем же способом объясняю ситуацию.

Мишка – парень сообразительный, начитанный, и о шпионском оборудовании заокеанских товарищей знает не меньше моего.

«Оставь мне автомат и рви наверх, – ставлю ему задачу. – Доложишь о находке шефу. Пусть он принимает решение».

Жук показывает на дисплей наручного компьютера. Японимаю его озабоченность, ведь запаса газов в баллонах дыхательного аппарата остается маловато.

«Да-да, я в курсе, – забираю оружие и подталкиваю напарника к поверхности. – Поторопись...»

Работая ластами, Михаил постепенно исчезает за толщей воды...

Остаюсь один. Готовый к стрельбе автомат держу в одной руке, другой придерживаю навигационно-поисковую станцию и неотрывно слежу за лучом гидролокатора кругового обзора. У меня закаленные нервы и хорошая выдержка, но если бы не станция с ее всевидящим оком, мне было бы здесь не по себе.

Почему? Все просто.

Во-первых, помехи и кратковременную потерю связи наши службы зафиксировали совсем недавно.

Во-вторых, все подводные устройства снятия информации ставятся подготовленными пловцами, коих доставляют к кабелю субмарины разведывательного класса.

В-третьих, судя по размерам найденного устройства, оно вряд ли оснащено «долгоиграющим» источником питания. Самый современный аккумулятор позволит ему работать две недели. От силы три. Значит, «коробок» либо транслирует добытую информацию, либо записывает на носитель. Оба варианта предусматривают нахождение вражеской субмарины в относительной близости к данному месту.

Тонкий луч гидролокатора наворачивал круги по пустому экрану. Это означало, что в радиусе ста метров не было ни подлодки, ни боевых пловцов.

Однако представив, как сидящие в отсеке американские спецы тестируют получаемый от устройства сигнал, я плотнее прижал к плечу приклад автомата и осмотрел окружающую меня темноту...

* * *

Давление газа в баллонах постепенно падало, тело без движения острее ощущало холод. Пришлось навернуть несколько оборотов вокруг найденной воронки. Заодно я решил получше рассмотреть находку.

Устройство прямоугольной формы в длину не превышало полуметра, а ширина едва превосходила диаметр кабеля. При этом внизу «коробок» был оснащен двумя дугообразными захватами, надежно удерживающими его на кабеле. Между кабелем и днищем имелась щель шириной не более сантиметра. Что находилось под днищем, я не видел и тем более не догадывался, каким образом считывалась информация.

Более детальный осмотр дал мне еще пару подсказок.

Во-первых, я заметил на устройстве тонкий отросток антенны, что наводило на мысль об отсутствии в нем записывающего устройства и о наличии передатчика.

Во-вторых, пловцы оставили в иле довольно глубокую воронку, даже не подумав о маскировке следов своей деятельности. А это означало, что устройство было установлено ненадолго.

Производя свои исследования, я изредка поглядывал на экран панели и через некоторое время заметил несколько медленно перемещавшихся точек. Вначале это насторожило, однако, прочитав показания пеленга и высоты расположения от уровня дна, успокоился – группа пловцов находилась намного выше.

Значит, это были мои ребята...

* * *

«Уходим», – знаком передал мне приказ Горчакова Георгий.

На глубину отправился именно он со своим неизменным напарником Фурцевым. Оба вооружились автоматами, на подвесных системах болтались подсумки с запасными магазинами.

«А как быть с этим?» – показал я в сторону находки.

«Не знаю. Шеф приказал немедленно вернуться на судно», – повторил мой товарищ.

Что ж, трижды мне повторять не надо. Если шеф принял такое решение, значит, затевается большая и тонкая игра.

В последний раз бросаю взгляд на воронку и окружающее ее пространство. Илистого дна никто из нас не касался, флажок я предусмотрительно забираю с собой – пусть непрошеные гости думают, что мы ни о чем не догадываемся. Вот только сторожевику нужно срочно отойти подальше от этой точки.

Приступаем к «восхождению».

Глава шестая

Российская Федерация; Калининград

Около двух недель назад

Знакомство с коллегами из Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта и размещение в лучшей гостинице города прошли без сучка и задоринки. Более того, через полчаса после размещения последовало приглашение на обед в ближайший ресторан.

Вкусив русского гостеприимства и влив в себя изрядную порцию крепкого алкоголя, Вальтер промокнул губы салфеткой и осторожно поинтересовался у соседа по застолью–сотрудника факультета географии и геоэкологии местного университета:

– Скажите, а когда мы сможем осмотреть Дом советов и прилегающую к нему территорию?

– Вы торопитесь, профессор? – удивился тот.

– Наша виза действует всего четыре дня.

– А мне сказали, что вы намерены производить раскопки.

– Решение по раскопкам примет руководство университета во Франкфурте. Апока мне поручено провести лишь изыскательские работы.

– Понятно. Сейчас все уладим, – пообещал тот и пошептался с кем-то из руководства. Ачерез минуту радостно объявил – Все нормально, Вальтер! КДому советов вас отвезут после обеда. Погуляете, посмотрите, прикинете объемы. Азавтра с утра займетесь работой.

Ответ устроил молодого нациста. По крайней мере, никто из русских не чинил препятствий, не тянул время, не мешал. Ну а гостеприимство, радушие и долгие застолья– известная черта жителей востока.

«Придется смириться и потерпеть», – незаметно вздохнул он, поднимая очередную наполненную водкой рюмку.

* * *

Обед затянулся до вечера и грозил плавно трансформироваться в ужин. Вальтер заметно нервничал. Во-первых, времени на предварительное изучение плацдарма будущей операции было действительно мало. Во-вторых, несмотря на прочтение некоторого материала по истории и археологии, его познания в данной области сводились к нулю– он с трудом изворачивался, подбирая ответы на каверзные вопросы подпивших русских специалистов, и с таким же трудом поддерживал разговор.

Отчасти помогал языковой барьер в общении. Русские не слишком хорошо владели немецким и английским, а Вальтер кое-как изъяснялся на русском. Когда разговор касался совсем уж малознакомой узконаучной темы, ему приходилось советоваться с Бруно.

Наконец пиршество закончилось. Большинство из хлебосольных хозяев откланялось и разъехалось по делам. Остался молодой сотрудник университета по имени Станислав и кто-то из местной администрации. Оба вызвались показать гостям Дом советов и прилегающую к нему территорию.

Проехав несколько минут по извилистой улице, отчего-то менявшей свое название через каждые пять-шесть кварталов, машина вырулила на площадь. Часть площади занимали крытые

ряды рынка, часть – огромная автостоянка. Чуть поодаль, посреди огромного, обнесенного старым забором пустыря возвышалось уродливое здание квадратной формы, выкрашенное светлой краской.

– В народе его называют «голова закопанного робота», – пояснил представитель администрации.

– Похоже, – задрал голову, оценил архитектурный «шедевр» Вальтер.

Станислав добавил:

– Кстати, немецкие туристы, приезжающие в наш город, именуют его «новым замком Кёнигсберга»...

Немецкий археолог поморщился:

– Нет, на замок он совсем не похож...

Белый кубик довольно высокого и массивного здания стоял на мощном стилобате высотой в три или четыре этажа; на фасаде выступали декоративные амбразуры, сверху виднелись лифтовые башни. Все окна были застеклены, да и общий вид был вполне современным и благообразным, создавая впечатление обитаемости здания.

– Оно функционирует? – на всякий случай поинтересовался немецкий «профессор».

Русский отмахнулся:

– Нет, что вы... У Дома советов сложилась долгая и сложная судьба.

Проследовав по автостоянке, группа подошла вплотную к высокому цоколю. Бруно и Мартин достали фотоаппараты и начали снимать объект предстоящей работы.

– Расскажите, если нетрудно, – попросил Станислава Вальтер. – Это ведь тоже частичка нашей общей истории.

– Пожалуйста. Только частичка, к сожалению, наполнена грустным смыслом. Заложили Дом советов в семидесятом, но, поскольку в этой части города имеются подвижные грунты, то появились проблемы со статикой. Вгоды перестройки начались перебои с финансированием и в проект внесли ряд существенных изменений, в частности, уменьшили этажность. До верхней точки здание достроили в конце восьмидесятых, и на том работы прекратились. Вдвояностях решали и спорили, кому достраивать наполовину заброшенный объект. Наконец к празднованию 750-летия Калининграда власти и строители нашли общий язык: здание отремонтировали, покрасили, остеклили. Но в итоге так и не заселили.

– Почему?

– В основном из-за негативных оценок. В прессе пишут, дескать, это здание – позор Калининграда. «Позор» необходимо снести, а вместо него восстановить утраченный Королевский замок. Одним словом, вопрос до сих пор остается открытым, а здание пустует.

– Да, вы правы, – смущенно пробормотал Вальтер, – история действительно невеселая. Скажите, Станислав, нам разрешат осмотреть подвальные помещения?

– Профессор, зачем вам подвалы? – удивленно вскинул брови тот.

– Хотелось бы узнать, насколько глубоко они уходят под землю. Да и еще неплохо бы поговорить с кем-нибудь из рабочих, копавших котлован.

Будучи опытным археологом, Станислав быстро ухватил смысл задумки и, оценив ее, обратился к представителю администрации:

– Вы позволите моим коллегам полазить по заброшенному зданию?

Не торопясь отвечать, чиновник недовольно посмотрел на часы.

– Нет-нет, сегодня уже поздно, – поспешил уточнить Вальтер. – Лучше завтра. Где-то в первой половине дня.

Складки на лице чиновника мгновенно разгладились.

– Лично я не возражаю, – снисходительно пожал он плечами. И, строго посмотрев на Станислава, уточнил – Только под вашу ответственность и при полном соблюдении мер безопасности.

Осмотрев окрестности места будущих раскопок, гости изъявили желание прогуляться по набережной реки, вид на которую открывался прямо с пустыря.

– Не возражаю, – повторил чиновник любимую фразу и, вновь посмотрев на часы, стал прощаться.

Вежливо поинтересовавшись, отыщут ли немецкие гости дорогу в отель, засобирался и Станислав.

– Конечно, найдем, не беспокойтесь, – заверил Вальтер. – В крайнем случае возьмем такси.

– Тогда до завтра, – пожал им руки русский археолог. – У меня на сегодня запланирована пара мероприятий в университете...

Прогуливаясь по набережной, Бруно негромко рассказывал:

– В древности эта река носила название Хрон. Прусы назвали ее Прэйгара, Скара, позднее – Претора, что означало «бездна».

– Ты лучше озвучь ее глубину, – недовольно отозвался Вальтер.

– В начале двадцатого века здесь проводились серьезные работы по углублению дна. Стех пор она стала судоходной. В верхнем течении глубина небольшая – два-три метра.

Вальтер поморщился. Но Бруно успокоил:

– Зато в нижнем течении и в устье глубина достигает до шестнадцати метров.

– А здесь? – обрадованно показал «профессор» на русло между набережной и островом Канта. – Здесь сколько?

– Около десяти метров. Причем серьезная глубина начинается от самого берега.

– Так это здорово, господа! – заулыбался Вальтер. – Предлагаю отметить окончание первого рабочего дня командировки в ближайшем кафе!..

* * *

Утром следующего дня Вальтер и его товарищи проснулись едва ли не с рассветом. Душ, завтрак, короткое совещание и сборы заняли не более часа. Встреча со Станиславом возле пустыря, что обступал Дом советов с востока и с юга, была назначена на девять тридцать. Однако группа прибыла сюда на два часа раньше.

Пустырь был обнесен деревянным забором. Хлипкая преграда никем не охранялась и имела бессчетное количество прорех.

Пролезая через одну из них, Бруно спросил:

– Наша наглость не вызовет подозрений у полиции?

Вальтер бросил на землю рюкзак.

– Успокойся, ты же не в Германии. Здешняя полиция еще спит.

Отыскав подходящий участок для будущих раскопок, Вальтер распорядился:

– Копать будем здесь. Огораживайте участок – нам нельзя терять время.

Бруно с Мартином распаковали габаритный багаж, поочередно вынимая из длинных чехлов тонкие столбики, металлоискатель, специальные лопаты, кирку. Из рюкзаков были извлечены мелкие предметы: моток полосатой ленты, ланцеты, нож-медорезка, мастерки, круглые и плоские кисти...

– Так, парни, – озабоченно посмотрел Вальтер на часы, – создавайте видимость подготовки к началу работ, а я прошвырнусь по зданию.

– Во сколько вернешься?

– Опасаться особенно некого, ведь мы получили разрешение официального представителя власти. Но я постараюсь управиться быстро.

Он достал из кармана документы, разрешающие проведение раскопок у Дома советов и передал их Бруно.

– Остаешься за старшего. Если кто-то спросит, придумай что-нибудь. Скажи: отлучился за сигаретами.

– Хорошо. Я все понял...

Мартин принялся забивать в землю первый столбик, Бруно разматывал пеструю ленту. А Вальтер, подхватив мощный фонарь, направился к центральному входу возвышавшегося над пустырем угловатого здания...

* * *

В подвал удалось проникнуть гораздо проще, чем предполагалось.

Лежа бессонной ночью на широкой кровати гостиничного номера, Вальтер мысленно представлял, как придется изъясняться с охраной или же, таясь от видеокамер наблюдения, забираться внутрь Дома советов через окно первого этажа. Потом долго искать безопасный проход к лестнице, спускаться вниз и осторожно обследовать бесконечные подземелья. А в довершение ко всему тайно выбираться наружу...

Но все оказалось куда проще. Настолько проще, что молодой мужчина ощутил разочарование.

Во-первых, русские сами разрешили осмотреть здание. Бегать в него по несколько раз в день было бы неосмотрительно и глупо, но по крайней мере однажды обследовать подвал Вальтер имел полное право.

Во-вторых, ни на фасаде здания, ни на боковых стенах, ни под козырьками входов не висело никаких камер наружного наблюдения.

В-третьих, навстречу никто не вышел. Ни сотрудники специализированной охраны, ни нанятый хозяевами здания сторож.

Наконец в-четвертых, первая же дверь в здание оказалась открытой. Стоило посильнее дернуть за ржавую ручку, как плотно скрипнуло и поддалось усилию, оторвав прибитую поперек палку.

Не поверив в удачу, Вальтер оглянулся по сторонам и юркнул внутрь.

* * *

Подвал был двухуровневым, что не удивило молодого мужчину.

– Еще бы, – шептал он, изучая нижний, – чтобы удержать такую махину, нужна очень серьезная конструкция ниже уровня земли.

Конструкция и впрямь выглядела внушительно. Весь периметр и пространство под несущими стенами представляли собой железобетонный монолит, перекрытый толстыми горизонтальными плитами.

– Черт с ними, с плитами, – постукивал Вальтер по бетону одной из внешних сторон фундамента. – Нам бы для начала определить координаты бункера...

Сказав это, он достал из кармана портативный GPS-навигатор. По сути, это был один из самых современных картплоттеров с экраном большого разрешения. Накануне в его память была закачана специальная программа с наиболее подробнейшей картой центральной части Калининграда.

Включив аппарат и подождав несколько секунд, пока тот определял координаты точки, Вальтер вынул бумажник. В его недрах среди всевозможных визиток и банковских карт хранился ничем не примечательный прямоугольник из тонкого прозрачного материала. Внешние размеры прямоугольника в точности совпадали с размерами дисплея GPS-навигатора.

Мужчина щелкнул зажигалкой и, поднеся пламя под прозрачный материал, поводит им из стороны в сторону. На нагретом прямоугольнике проступило еле заметное изображение контуров Дома советов и скрытого под ним бункера.

Вложив прямоугольник в экран навигатора, Вальтеру оставалось переместиться, дабы на экране и пленке совпали контуры современного здания.

– Так вот ты где! – улыбнулся он, определив местонахождение подземного сооружения. – Ну, теперь нам будет проще...

Сделав несколько шагов по направлению к северной стене фундамента, мужчина остановился и посмотрел на пыльный цементный пол. Где-то на глубине – прямо под его ногами – находился бронированный купол бункера.

* * *

Вальтер вернулся к товарищам, как и обещал – ровно за тридцать минут до приезда Станислава.

Площадка предстоящих раскопок уже была огорожена по периметру пестрой оранжево-белой лентой и разбита на квадраты при помощи тонкой светлой нити; весь археологический инструмент аккуратно лежал на брезентовом покрывале. Здесь же был планшет с картой, профессионально подготовленный Бруно для проведения раскопок.

Парни сидели на бугорке у края площадки и пили кофе из термоса.

– Вы не теряли времени, господа. Молодцы! – похвалил Вальтер. – Кофе еще остался?

– Держи, – подал Мартин чашку. Итихо спросил – Акак твои успехи?

– Отлично, – кивнул «профессор». – Даже не предполагал, что все получится так просто и быстро.

– Значит, ты нашел его?

– Место определил с погрешностью в пару метров.

– Пара метров для его размеров – суцая мелочь, – подал голос Бруно.

– Согласен. Но для верности не помешает пройтись по подвалу с металлоискателем.

Мартин неуверенно качнул головой:

– Это задача сложнее.

– Почему ты так думаешь?

– Насколько я понял, русский археолог приставлен к нашей группе. Мы обречены на его опеку.

– Я что-нибудь придумаю, – допил кофе Вальтер. – Вкрайнем случае завтра поступим тем же образом: приедем на пару часов раньше и все провернем...

– Внимание, к нам идет русский археолог, – известил Бруно.

От дыры в заборе, отделявшем обширный пустырь от автомобильной стоянки, вышагивал Станислав. На нем была простенькая одежда, явно не для пребывания в аудиториях университета; на голове белела бейсболка. Вруке он нес небольшой сверток...

Глава седьмая

Российская Федерация; Татарский пролив

Около недели назад

Закончив «восхождение», я с парой Георгия забрался по штормтрапу на палубу сторожевика. Поджидая меня, вдоль борта беспокойно расхаживал Горчаков.

– Рассказывай, – не выдержал он, едва я плюхнулся на «баночку».

Постепенно освобождаясь от надоевшего снаряжения, я подробно излагал результаты осмотра «коробка» и свои заключения. Генерал настолько внимательно вслушивался в каждое мое слово, что даже позабыл о сигаретах.

– Надо бы отойти миль на пять, – напомнил я, закончив рассказ о находке. – Ато спугнем «золотую рыбку».

– Я уже распорядился.

Поглядев на ближайший берег пролива, я заметил, что сторожевик находится в циркуляции.

– Зафиксировали место и уходим самым малым ходом, – пояснил Горчаков.

– Связистов о прослушке предупредили?

– Они перекрыли каналы секретной связи сразу после возникновения помех и кратковременных сбоев. Так что по кабелю третьи сутки передают информацию хозяйственно-бытового характера.

Я удивленно хмыкнул:

– Могут, когда захотят.

– Переодевайся, бери Устюжанина и бегом в мою каюту. Надо обдумать план действий, а заодно обогреть вас чаем с коньяком.

– Ради чая с коньяком мы поторопимся, – улыбнулся я вслед удаляющемуся старику.

* * *

– Вершиной шпионского искусства стало подслушивающее устройство, безотказно работавшее в посольстве США на протяжении долгих восьми лет, – посмеиваясь, проговорил Сергей Сергеевич на мою ремарку о небольших габаритах найденного «коробка».

Мы с Георгием сидим в его каюте, прихлебываем горячий чай, обильно сдобренный хорошим коньяком, и обсуждаем последние события. Сторожевик тем временем идет самым малым ходом к восточному берегу Татарского пролива.

Старик никогда не говорит о главном сразу. Обычно он долго и нудно мусолит прелюдию, потом задает наводящие вопросы, выслушивает наши предположения... Правда, иногда для прелюдии Горчаков находит интригующие истории с неожиданной развязкой. Посмотрим, чем он удивит в этот раз.

– В конце Второй мировой войны американское посольство в Москве стало объектом пристального внимания наших спецслужб – слишком велико было желание узнать планы бывших союзников, – продолжает он, не снимая с лица загадочную улыбочку. – Заказчикам из НКВД было представлено несколько образцов хитроумных штучек для подслушивания, но американские дипломаты не допускали на свою территорию никого. Даже пожарную охрану.

Вобщем, как ни старались наши разведчики, а установить жучок не получалось. Итогда товарищ Сталин припомнил легенду о троянском коне...

«Понятно, история имеет непосредственное отношение к сегодняшней находке, – прихлебываю я слабоалкогольный чай. – Что ж, послушаем...»

– ... Уникальное устройство сделали частью сувенира, для подарка американскому послу. В качестве сувенира был изготовлен неопишуемой красоты герб Соединенных Штатов из драгоценных пород дерева. Внутри имелась полость, в которую поместили «жучок», оставалось лишь вручить подарок в торжественной обстановке.

Сергей Сергеевич прервался, чтобы подпалить очередную сигарету. Мы же с Георгием переглянулись – никто из нас этой истории раньше не слышал.

– Во время встречи глав стран-победительниц в Крыму американского посла пригласили в «Артек», – пыхнул Горчаков ароматным дымом. – Там в торжественной обстановке пионеры спели гимн США и преподнесли ему тот самый герб из красного дерева. Не устояв перед красотой и уникальностью подарка, посол привез его в Москву и повесил на стену позади своего кресла. Там он и провисел целых восемь лет. Менялись послы, секретари, дипкурьеры; каждый посол обновлял мебель, телефоны, портьеры, а герб продолжал украшать кабинет – ни у кого не поднималась рука на эту красоту.

Генерал умолк, разминая окурки в пепельнице.

Георгий не выдержал:

– Но позвольте! Как же американцы – виртуозы в шпионской технике – не обнаружили в нем «жучок»?

– И каким образом он смог проработать восемь лет без смены элементов питания? – разбавил я паузу своим вопросом.

– Да не было в нем никаких батареек, – засмеялся старик. – Ни батареек, ни генератора. Внем стоял датчик, по форме напоминающий головастика. Датчик имел чувствительную мембрану, колеблющуюся под воздействием звуковых волн – так называемый пассивный резонатор. Узконаправленное сверхвысокочастотное излучение отправлялось на герб из дома по левую сторону от посольства, отраженное от датчика излучение принималось в здании по правую сторону.

– Ясно, – расцвел Устюжанин. – Приемник приходило излучение, имеющее модуляцию по фазе.

– Да, примерно так. И это замечательное изобретение прекрасно работало. Когда в конце концов шпионский секрет был обнаружен, представители США долго не заявляли об этом: слишком уж скандальная выходила ситуация. Ну, а в настоящее время это «суперустройство» хранится в музее ЦРУ.

Находчивость советских специалистов понравилась. Мы посмеялись над акулами империализма, после чего Горчаков сделался серьезным и предложил перейти к делу...

* * *

– К сожалению, мои худшие опасения подтвердились, – вздохнул генерал. И, поморщившись, добавил – Хотел я взять в эту командировку побольше твоих ребят, да почему-то ограничился шестерыми. Азря. Пятью парами мы бы их прищучили быстро.

– А в чем сложность, Сергей Сергеевич? – осторожно поинтересовался Георгий. – Вызвать сюда пару противолодочных кораблей с вертолетами, прочесать пролив и найти подлодку.

– Бесполезно, – отмахнулся старик. – Американцы засекут со спутников приближение к проливу больших кораблей и сразу дадут команду свернуть операцию. Атам лови эту субмарину... И ничего потом не докажешь.

В этом он, безусловно, был прав. Такую «рыбку» следует ловить по горячим следам и с максимальной осторожностью.

Горчаков потянулся за следующей сигаретой. Я давно открыл иллюминатор, однако воздух в каюте оставался сизым от дыма – хоть кортик вешай.

– Как думаете, далеко ли субмарина находится от кабеля?

Я пожал плечами:

– Лежит на дне метрах в ста пятидесяти. Лично я ближе подходить бы не рискнул.

– Почему?

– Во-первых, можно наломать дров – лечь на кабель и повредить его. Во-вторых, электромагнитные поля подлодки могут повлиять на качество проводимого кабелем сигнала, что вызовет подозрение. Но и дальше двухсот пятидесяти метров американцам ложиться на дно нет резона – к чему гонять пловцов на стайерские дистанции?

– Согласен. Итак, что мы имеем? Нам известны точные координаты установленного «жучка», приблизительно известно место нахождения разведывательной субмарины. Итак же известно, что «жучок» через некоторое время должны демонтировать с кабеля. Яничего не упустил?

– Все верно.

– Так как же нам, товарищи офицеры, поступить в этой непростой ситуации?

Мы с Жорой переглянулись.

Вопрос и в самом деле был непростым. По крайней мере, так с ходу ответить на него я бы не сумел.

– Может быть, на самом деле вызвать из «Фрегата» подкрепление в составе шести-восьми человек? – предложил Георгий.

– Вы же сами говорили: на базе осталась одна молодежь, – резонно заметил Горчаков.

– Молодежь у нас еще та...

– Вызовем, и что дальше? – возразил я. – Установить постоянное дежурство возле прослушивающего устройства и торчать по восемь часов в сутки под водой? Да у нас через три дня жабры вырастут!

Горчаков поддержал мой скепсис и принялся опять загибать пальцы:

– Вряд ли нам подходит этот вариант. Во-первых, мы не знаем, сколько времени работает в автономном режиме устройство. Во-вторых, неизвестно, сколько американских боевых пловцов пожалует для демонтажа – одна пара, две или четыре. Амы больше пары внизу держать не сможем. Инаконец, в-третьих, постоянное присутствие над кабелем сторожевика или любого другого корабля неизменно насторожит противника. Насторожит его и перекрытие противолодочными кораблями выходов из Татарского пролива. Ведь американцы не только прослушивают поверхность из отсеков субмарины, но и следят за проливом из космоса.

Трудно было возразить против подобных доводов. Но Устюжанин не сдавался.

– В таком случае следует вызвать современную малошумную подлодку.

Секунду подумав, генерал поморщился:

– Понимаю, куда ты клонишь. Наша лодка осторожно подходит к этому району, ложится на дно неподалеку от устройства, а мы организуем засаду, меняя пловцов через торпедный аппарат с ее борта. Угадал?

– В общем, да.

– Та же фигня, только с другого боку, – устало резюмировал старик. И, обернувшись ко мне, всплеснул руками – Ну, а ты чего молчишь, как русский пенсионер в немецком автосалоне? Ты же командир «Фрегата»! Скажи что-нибудь!..

Пришлось озвучить идею, витавшую в моей голове несколько последних минут...

* * *

Идея пришлась по душе и Горчакову, и Устюжанину. Правда, сам я не очень-то этому обрадовался, ибо план предусматривал ночное погружение. Стало быть, плакал наш долгожданный отдых.

Ну что делать— на войне как на войне.

Приказываю группе прибыть в кают-компанию. Там мы наскоро перекусываем: горячий чай, шоколад и немного фруктов. В процессе приема пищи рассказываю о дальнейших действиях. Парни жуют и внимательно слушают...

Отрабатываем взаимодействия, повторяем меры безопасности.

Завершаю постановку задачи напоминанием:

— На глубину идем двумя парами. На протяжении всей операции строго соблюдать режим радиомолчания. Голосовые команды разрешаются только на стадии финального аккорда. Вопросы есть?

Вопросов не последовало.

— Приятного аппетита. Жду на палубе через пять минут...

Встретив подчиненных на палубе, отдаю очередной приказ:

— На глубину идет моя пара и Устюжанин с Фурцевым. Пара Степанова на руководстве, она же— в готовности № 1.

Переодеваемся в гидрокombineзоны. Кто же время боцманская команда готовит к спуску легкую надувную шлюпку с небольшим подвесным мотором. Помимо нас, четверых пловцов, в нее спускаются два моряка: опытный мичман и корабельный офицер из БЧ-1. Мичман займется управлением плавсредством, а штурман с помощью портативного навигатора должен вывести нас в точку обнаружения «жучка». Согласно моему плану шлюпка идет малым ходом над районом и точно над «жучком» сбрасывает буй с трехсотметровым фалом. Мы десантируемся и начинаем погружение. Не меняя скорости и курса, шлюпка отходит на пару километров, выжидает тридцать минут и чешет к сторожевику, подхватывая на ходу буй. Ну а дальше все просто. Со сторожевика спускают спасательный катер с командой, которая ждет визуального сигнала о завершении операции. Для подачи одного мы с Георгием прихватываем пару сигнальных патронов, выдающих при срабатывании сноп ярко-красного огня.

Обе пары вооружаются автоматами АДС, полным комплектом боеприпасов и, конечно же, ножами, которые являются неотъемлемой частью снаряжения в ходе любых операций. Ножи вполне обычные, но качественные и не очень дорогие. Если потеряешь— не будешь потом неделю ночами не спать, мучиться.

Горчаков топчется рядом. Изаметно волнуется— дело-то нешуточное.

— Женя, — неслышно подходит он сзади. — Запомни главное: перестрелять в драке под водой можно всех, кроме одного. Хотя бы одного вы должны захватить живым. Лучше двоих. Ижелательно без серьезных увечий, чтобы их можно было показать общественности и журналистам.

— Постараемся. Атам уж как получится, — ворчу я в ответ. И, обернувшись к своим орлам, кричу — Готовы?

— Так точно, — отвечает Толя Степанов, заканчивая проверку нашего снаряжения.

Я направляюсь к штурмтрапу.

— В таком случае по коням...

Глава восьмая

Российская Федерация; Калининград

Несколько дней назад

Станислав широко улыбался, излучая радость от встречи с немецкими коллегами. Поздоровавшись, он осмотрел подготовленную площадку и уважительно кивнул:

– Сразу видно, что приехали профессионалы. Давно меня ждете?

– Минут сорок, – соврал Мартин. – Встали в семь утра, решили не терять времени и приехали пораньше.

– Ну и правильно. Кстати, у меня хорошая новость!

– Какая? – насторожился Вальтер.

– Помните, вчера вы говорили о необходимости встретиться и поговорить с кем-нибудь из рабочих, рывших котлован под Дом советов.

– Конечно, помню!

– Так вот я нашел такого человека, представляете?! Он уже на пенсии, но пообещал сегодня подойти.

– Отлично, Станислав! Мы вам очень признательны за помощь.

Русский с интересом осмотрел инструмент, заглянул в разложенную карту. И вдруг заинтересовался:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.